

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-10-19>

ОБ ОДНОМ СВЯЩЕННИКЕ ЧЕХОВА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ

Эдгар Георгиевич Манукян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена устойчивым интересом к творчеству А. П. Чехова, а также необходимостью изучать и анализировать чеховские тексты не только с лингвистических и литературоведческих позиций, но и с точки зрения психологии. В статье рассматривается образ персонажа – священнослужителя отца Анастасия из рассказа «Письмо». Исследование включает анализ лексических средств, участвующих в создании внешнего и внутреннего портрета священника, с учетом психологических особенностей личности и с апелляцией к понятию экзистенциального кризиса.

Ключевые слова: *Чехов, священник, лексические средства, портрет, психология, личность, экзистенциальный кризис*

Для цитирования: *Манукян Э. Г. Об одном священнике Чехова: лексические средства создания психологического портрета личности // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 1. С. 10–19. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-10-19>*

Original article

ABOUT ONE CHEKHOV'S PRIEST: LEXICAL MEANS OF CREATING A PSYCHOLOGICAL PERSONALITY PORTRAIT

Edgar G. Manukyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The study relevance is due to the continuing interest in the work of A. Chekhov, as well as the need to study and analyze Chekhov's texts not only from linguistic and literary positions, but also from the point of view of psychology. The article examines the image of Father Anastasiy, a churchman from the story "The Letter". The study includes the analysis of the lexical means involved in creating an external and internal portrait of a priest, taking into account the psychological characteristics of the individual and with an appeal to the concept of an existential crisis. The results of the study show that a priest is a very complex psychological personality who is characterized by deviant behavior and strives to complete his life path. This is proved by the lexical means used by the writer to create a portrait (external, internal).

Key words: *Chekhov, priest, lexical means, portrait, psychology, personality, existential crisis*

For citation: Manukyan, E.G. (2025). About one Chekhov's priest: lexical means of creating a psychological personality portrait. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 1, pp. 10-19. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-10-19>

Введение

Принадлежность Антона Павловича Чехова к психологии (а вместе с тем к психиатрии, клинической психологии) обычно рассматривается учеными и исследователями в рамках литературного анализа его произведений, однако обращение к литературному наследию писателя стало частым явлением среди философов, психологов и клиницистов, которые рассматривают чеховских персонажей в своем профессиональном русле [Голенков, 2001; Буняева, 2012; Михайленко и др., 2013; Мэнголд, 2016; Klarugi, 2015]. В прозе и драматургии писателя, по мнению ученых-медиков и психологов, наблюдается целая галерея персонажей с диссоциальным личностным расстройством: устойчивым асоциальным поведением, отсутствием чувства вины и стыда, импульсивностью, агрессивностью и нарушением способности к поддержанию близких отношений, игнорированием социальных норм [Колесникова, Муравьева, 2017; Коробанова, Полевая, 2020]. Это побуждает обратиться к российской истории исследования психопатий, как отмечает М. В. Буняева, патологий характера, «не являющихся в прямом смысле психическими заболеваниями, а относящихся скорее к пограничному проблемному полю между психологией и психиатрией» [Буняева, 2012, с. 125]. Чехов с помощью различных лексических средств описывает причины явлений психической жизни персонажа и показывает их в тексте с научной точностью.

Особое место в творчестве писателя занимают тема религии и концепт веры. Интерес к чеховским персонажам-священнослужителям (в частности – к священникам) обусловлен двумя факторами: во-первых, отношением Чехова к реальным священникам; во-вторых, неоднозначным и сложным положением русского духовенства на рубеже веков. Поэтому исследование персонажа-священника в прозе Чехова в психологическом (даже психоневропатическом) русле вызывает интерес у многих ученых (психологи, клиницисты, последователи психосоциального учения). Однако такое исследование невозможно назвать полным без учета лингвистического анализа внешнего и внутреннего портрета персонажа. Обращение в первую очередь к лексическим средствам создания образа персонажа-священника помогает представить в произведении Чехова именно человека и его психологический портрет, человека, актуализированного в определенном историческом хронотопе и живущего по определенным установкам.

В русской литературе именно Чехов почувствовал трагизм положения русского духовенства, который наиболее сильно прослеживается в описании и изображении отца Анастасия, одного из трех персонажей-священнослужителей в рассказе «Письмо» (1887). Лексические средства представления трагичности судьбы священнослужителя помогают раскрыть его эмоциональное расстройство, особенности психологического состояния, обусловленного внутренним конфликтом и социально-материальным положением. В данной статье исследуется образ отца Анастасия как самый трагичный/трагический образ священнослужителя в русской литературе: у него нет будущего, его существование финитно.

Исследование и его результаты

Русское духовенство в конце XIX – начале XX в. в социальной структуре общества занимало противоречивое место и сталкивалось со множеством

внутренних и внешних проблем. Например, в журнале «Русское богатство» представлен отрицательный образ сельского священника, не вовлеченного в церковно-религиозный процесс, глубоко несчастного. В журнале «Миссионерское обозрение» отмечаются причины кризиса русского духовенства, среди которых тяжелые условия одинокой, разобщенной, отрешенной от культурной среды и света жизни пастыря в сельской местности. А. И. Кошелева, ссылаясь на исследованные материалы, приводит слова священника о том времени: «Еще тяжелее вообще за священника, когда видишь, что идеальные стремления его, правда и справедливость могут погибнуть под напором житейской неправды» [Кошелева, 2014, с. 17].

Действительное социальное положение русского священнослужителя является важным ключом к пониманию и анализу его психологического состояния в чеховском художественном тексте. Как отмечает американский историк литературы С.А. Карлинский, «при всей своей озабоченности религией Толстой и Достоевский никогда не думали о том, чтобы сделать православного священника, дьякона или монаха центральным персонажем художественного произведения, как это сделал Чехов, а большинство его персонажей-священнослужителей представлены как полнокровные человеческие субъекты, и у них собственные радости и проблемы (перевод наш. – Э. М.)» [Karlinsky, 1997, p. 176]. Следует вспомнить слова протопресвитера А. Шмемана: Чехов как художник слова был крайне честным при репрезентации в своей прозе образа русского священнослужителя. Источником того самого трагизма, а вместе с ним и уникальности русского клирика является оторванность от остального мира, т. е. от общества, народа [Шмеман, 2015]. Таким образом, социальная трагичность русского духовенства, представленного реалистическим художественным методом в чеховской прозе, уводит в сторону философии экзистенциализма.

Экзистенциальная философия (С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю) заставила под другим углом взглянуть на проблематику, связанную с личностью/человеком, его жизнью и существованием, а также с осознанием уникальности каждого и приобретенного им опыта. Экзистенциальное осмысление жизни человека заставляет ощутить трагизм личности человека, его уязвимость перед целым миром и перед самим собой. В психологии также сложилось экзистенциальное направление: известно понятие «экзистенциальный кризис». Неслучайно акцент в философии и психологии делается на внутреннем мире человека. Проблема одиночества становится движущей силой. Поведение человека, приводящее к принятию жизненного выбора, во многом формируется под влиянием осмысления одиночества и осознания ее всеобъемлющей силы. Это способствует переживанию трагизма собственной личности, более сильному противопоставлению социального, ориентированного на других и на внешний мир, и личностного, обращенного к себе и в себя, глубины своего внутреннего мира. Человек, обладающий силой воли, может сам преодолеть кризис, в отличие от бессильного человека, который оказывается заложником себя самого и своих аддикций. Ощущение глобального одиночества, тоски, ненужности и бессмысленности происходящего уводит человека в анализ своего существования и саморазрушение.

Необходимо обратиться к лексическим средствам, с помощью которых Чехов описывает и изображает священнослужителя как личность, переживающую социальный и психологический упадок и пребывающую в состоянии экзистенциального кризиса.

Рассказ «Письмо» написан в тот период творчества Чехова, когда в своей прозе он фокусирует внимание на одинокой личности, отчужденной от мира. Отец Анастасий переживает этот кризис бытия. Уже на уровне описания внешности Чехов изображает человека, символически и симптоматически находящегося на грани жизни и смерти: *«Это был старик 65-ти лет, дряхлый не по летам, костлявый и сутуловатый, с старчески темным, исхудалым лицом, с красными веками и длинной, узкой, как у рыбы, спиной <...> Несмотря на сан и почтенные годы, что-то жалкенькое, забитое и униженное выражали его красные, мутноватые глаза, седые с зеленым отливом косички на затылке, большие лопатки на тощей спине...»* [Чехов, 1976, с. 153]. Отрицательно окрашенная лексика семантического поля «телосложение» включает в себя прилагательные, которые передают образ человека-смерти. Традиционное представление и очеловечивание смерти (костлявая, сухая старуха с косою) находит отражение в данном портрете: *дряхлый, костлявый, сутуловатый, тощий*. Адъективная лексика с отрицательной коннотацией семантически выполняет свою функцию, устанавливая ассоциативную связь между персонажем и персонификацией (образ смерти). Чехов эксплицитно дополняет этот образ, продолжая указывать на соматизмы: *исхудалое лицо, глаза, косички, затылок, большие лопатки* и отмечая цветовую характеристику немаркированными прилагательными: *темные, красные, мутноватые, седые с зеленым отливом*.

Однако в цельном эксплицитном описании соматизмов Чехов в интерпозиции использует оценочные прилагательные (пейоративная лексика): *жалкенькое, забитое и униженное*, что явно контрастирует с образом смерти в русской культуре и добавляет образу священника трагичность, презренную иммортальность.

Чеховское описание отца Анастасия, не сумевшего преодолеть свои пороки, окунувшегося в бесцельное существование и употребляющего алкоголь, соотносится с девиантным поведением – «системой поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали» [Кон, 1989, с. 56].

Такое поведение может быть вызвано различными причинами, включая биологические, психологические и социальные. Психологическая причина – это употребление отцом Анастасием алкоголя, социальная – злоупотребление полномочиями священства (брал деньги за говение и венчание). Главный признак здесь – это ощущение бессмысленности существования, что может формировать аддиктивный тип девиантного поведения, так как при нем отмечается стремление уйти от реальности.

Духовная смерть и социальная гибель отца Анастасия подтверждаются мыслями и ощущениями другого персонажа-священника (благочинный), который неукоснительно следует церковно-религиозным установкам, порой невольно отклоняясь от категории всепрощения как христианской добродетели: *«Благочинный верил в исправление людей, но теперь, когда в нем разгоралось чувство жалости, ему стало казаться, что этот подследственный, испитой, опутанный грехами и немощами старик погиб для жизни безвозвратно, что на земле нет уже силы, которая могла бы разогнуть его спину, дать взгляду ясность, задержать неприятный, робкий смех, каким он нарочно смеялся, чтобы сгладить хотя немного производимое им на людей отталкивающее впечатление»* [Чехов, 1976, с. 155]. Таким образом, вера благочинного в исправление уступила допущению (глагольная форма *‘стало казаться’*) того, что человек может погибнуть духовно. Внимания заслуживает фраза *“погиб для жизни*

безвозвратно», которая предполагает, что человек еще жив биологически, но не принадлежит этому миру в других аспектах бытия и существования, лишился функции жить как человек, и этот процесс необратим (распространитель глагола – наречие *‘безвозвратно’*), что вызывает не негативное отношение, а сильнейшее, обжигающее чувство жалости (метафора с глаголом *‘разгоралось’*). Чехов использует глагол *погиб*, а не *умер*, так как этот глагол более сильный по экспрессивному признаку и имеет сему саморазрушения (*погибать – разрушаться, подвергаться уничтожению, умирать, пропадать, губить себя*).

В этой ремарке – отношение одного персонажа к другому – Чехов, отмечая известные грехи отца Анастасия, соотносит соматическое описание с тем, которое было дано в авторской ремарке, тем самым подтверждая семантику образа, но уже используя глаголы действия (активное действие по сравнению со статичными прилагательными в авторском описании: *красные, мутноватые глаза/дать взгляду ясность; сутуловатый/разогнуть его спину*). Использование глаголов, дублирующих описание внешности, дает понять, что ничто уже не сможет помочь священнику встать на путь исправления и вернуться к жизни (*на земле нет уже силы*).

Понять и определить психологическое состояние возможно с помощью анализа физиогномических характеристик. Под физиогномикой понимают характерные черты и выражение лица человека (мимика). Метафоры выражают ощущения и интенсивные эмоции, испытываемые отцом Анастасием, что подчеркивает его человечность и способность к проявлению эмпатии. Использование глагольной метафоры позволяет ярко отразить разнообразие чувств и признаки личности: *стыд, робость, смешливость* – черты, присущие натуре отца Анастасия: «...на лице его заиграли стыд, робость и жалкий, принужденный смех, каким смеются люди, не уважающие себя» [Чехов, 1976, с. 155]. Мимическая реализация стыда и робости: взор обращён в сторону, опущен вниз или беспокойно двигается. Стыд и робость могут рассматриваться как акценты одной эмоции, по мнению американского психолога К. Изарда [Изард, 1980]. Эти эмоции – тягостные социальные чувства, надстроенные над страхом. Стыдящийся человек боится осуждения своего поведения, испытывает неудовлетворение собой, следствием стыда выступает робость, смущение. Интересно употребление глагола *‘заиграть’* (начать играть; частым, постоянным употреблением сделать негодным, ветхим; часто исполняя что-нибудь, сделать пошлым, надоевшим). Эмоции реализуются через мимику лица, однако можно утверждать, что Чехов употребил этот глагол не в первом значении, так как эти мимические выражения являются для отца Анастасия константными и характеризуют его постоянные поведенческие особенности.

Еще один пример: «*Отец Анастасий еще больше сконфузился, засмеялся и, забыв про свое решение уходить домой, опустил на стул*» [Чехов, 1976, с. 155]. *Сконфузиться* – значит испытывать замешательство, неловкость, смущение. Возникшее состояние помогает определить смущение как беспокойство человека о своём внешнем образе, обусловленное повышенным вниманием к нему в ситуации реального действия. То есть отец Анастасий не любит излишнего внимания к себе, внутри него может жить чувство вины. Ему кажется, что если его на него обратят внимание, то сразу станут осуждать его и его пороки.

Человек, переживающий глубокий кризис, совершенно уязвим. В этом случае триггером может послужить любая деталь, случай или ситуация, которые вызывают у человека, например, ассоциации и воспоминания. Чехов

изображает такую ситуацию: священник вспоминает свое, возможно, счастливое прошлое, что вводит его в определенное состояние – подавление эмоций: «*О. Анастасий зашел к нему. Увидев у него стол, уже покрытый куличами и красными яйцами, он почему-то, вероятно вспомнив про свой дом, заплакал и, чтобы обратить эти слезы в шутку, тотчас же сипло засмеялся*» [Чехов, 1976, с. 162].

Смех как попытка заменить слёзы может быть защитным механизмом психики человека. Как правило, в этом случае человек предпринимает попытки справиться с болью при помощи улыбки или смеха. Чехов использует глагол *'обратить'*, чтобы передать искусственную трансформацию эмоциональных реализаций (*слезы и шутка*). Это подтверждается тем, что одно из семантических значений данного глагола – *'убеждением склонить к чему-либо, заставить'* [Большой толковый словарь ... , 2008, с. 704]. Священнику тяжело дается подавить эмоции до такой степени, что он вынужден засмеяться.

Многие фрагменты рассказа содержат описания смеха отца Анастасия. Основные атрибутивные номинации смеха – *сиплый* и *дребезжащий*. Смех данного персонажа не только сопровождает его речь, но и обрамляет ее, тем самым закольцовывая его речевые высказывания (метафорически сближается с идеей гибели, возвращения в начало). Реализуется он в виде хихиканья (чихикать – это подсмеиваться, смеяться тихо или исподтишка и со злорадством): «*Стало быть, в целомудрии живут! – захихикал о. Анастасий, сипло кашляя*» [Чехов, 1976, с. 156–157]. Поэтому смех отца Анастасия может выражать его отношение, это оценка слов и действий другого человека: он смеется над излишней строгостью отца Федора.

Кашель – еще один критерий, помогающий выявить психологические особенности отца Анастасия: «*Он молчал, не двигался и кашлял с такою осторожностью, как будто боялся, чтобы от звуков кашля его присутствие не стало заметнее*» [Чехов, 1976, с. 155].

Чехов выделяет еще один признак психологического расстройства – боязнь/страх. Глаголы *молчал* и *не двигался* когерентны чувству страха, выраженному глаголом *боялся*. Это страх оценки: священник боится, что его будут судить за действия и критиковать внешний облик, поэтому ему приходится находиться в статичном состоянии и молчать.

Голос отца Анастасия характеризуется как *сиплый, дребезжащий, визгливый*. Например, при помощи адекватного слова *'дребезжащий'* или распространителя глагола – наречия *'визгливо'*: «*Почему это грех? – визгливо заговорил он*» [Чехов, 1976, с. 159]. Визгливый голос может быть связан с психологическими факторами, такими как стресс, волнение и стеснение, что также характеризует психологическое состояние священника. Сиплость голоса объясняется пристрастием к алкоголю. Метафорическое выражение в слове *'дребезжащий'* передает человеческое переживание, сильную эмоцию, испытываемую священнослужителем.

Еще одно проявление психологического расстройства – жесты и движения кистью рук и пальцами. Чехов использует словосочетание *'шевелил пальцами'*. С точки зрения психологии это связано с тем, что во время переживания тревоги, страха, раздражения человек теряет ощущение присутствия себя в пространстве и непроизвольно ищет способ ощутить пространство, что также соответствует идее небиологической смерти отца Анастасия. Другим жестом является взмах руки, выраженный словосочетаниями *'махнул рукой'*, *'махнув кистью руки'*, т. е. глаголами с семей *'мах'*. Совершая повторяющиеся действия, человек формирует своеобразный ритуал, дающий иллюзию облег-

чения. Именно это состояние нужно отцу Анастасию. Ему необходимо получить прощение от людей и от Бога и последующее за этим спасение: «...*только одного и хочу, чтоб меня добрые люди простили <...> Господи, прости меня грешного! Запутался я, дьякон! Нет мне спасения!*» [Чехов, 1976, с. 162–163]. Употребление глагола *простить* в прошедшем времени в значении будущего (*люди простили*) и настоящем времени (*прости*) интерпретирует отношения отца Анастасия с обществом (ему невозможно просить прощения у людей) и Богом (он может просить прощения только у него и к нему же обращается).

Экзистенциальный кризис связан с понятием аутентичности личности, желанием человека жить своей жизнью. Он ведет к тому, что человек чувствует себя уязвимым и незащищенным от внешнего мира. Это, в свою очередь, может заставить человека примерять на себя социальную маску, искажающую эмоции и чувства, что нередко приводит к самообесцениванию и скрытности. Поэтому другая функция смеха отца Анастасия – сгладить производимое на людей отталкивающее впечатление, о чем было сказано в ремарке.

В контексте понимания и восприятия психологических аспектов личности следует обратиться к концепции Э. Дюркгейма, в которой он аномию, социальные преобразования связывает с ощущением отсутствия причастности к обществу [Дюркгейм, 1994]. Это способствует появлению чувства нестабильности, противоречию биологического и социального в человеке, возникновению чувства тревоги, сожаления, что замедляет развитие человека в различных аспектах либо разрушает саму личность: «*Я, брат... я, дьякон, по себе это понимаю. Когда жил как люди, и горя мне было мало, а теперь, когда образ и подобие потерял, только одного и хочу, чтоб меня добрые люди простили <...> Беда, дьякон, – вздохнул он, видимо борясь с желанием выпить. – Беда! Во гресех роди мя мати моя, во гресех жил, во гресех и помру... Господи, прости меня грешного! Запутался я, дьякон! Нет мне спасения! И не то, чтобы в жизни запутался, а в самой старости перед смертью... Я...*» [Чехов, 1976, с. 162–163]. Отец Анастасий понимает, что уже не принадлежит обществу, и видит градацию своей «гибели», представленную глаголами: *жил* как люди – образ и подобие *потерял* – *запутался* в старости. Глаголы '*потерял*' и '*запутался*' содержат в себе метафору и имеют причинно-следственную связь, однако Чехов не дает объяснения, что послужило причиной этой потери себя, жизни. Возможно, отец Анастасий совершил переоценку жизни своей и в глобальном контексте, на что могло повлиять много факторов: материальное и социальное положение, бремя накопленного опыта, усталость, утрата и пр. В целом отец Анастасий существует в бедности, что может служить причиной его поступков: «...*он был беден и имел девять человек детей, живших на его шее и таких же неудачников, как и он сам. Сыновья были необразованны, избалованны и сидели без дела, а некрасивые дочери не выходили замуж*» [Чехов, 1976, с. 155].

Лейтмотив смерти продолжается в описании одеяния, которое отец Анастасий унаследовал от умершего священника, причем молодого, что явно вносит контраст и усиливает противопоставление жизни – смерти: «*Одет он был в щегольскую светло-лиловую, но слишком просторную для него рясу (подаренную ему вдовою одного недавно умершего молодого священника), в суконный кафтан с широким кожаным поясом и в неуклюжие сапоги, размер и цвет которых ясно показывал, что о. Анастасий обходился без калош*» [Чехов, 1976, с. 153]. В этом описании Чехов вновь обращается к прилагательным (*просторная ряса, широкий пояс, неуклюжие сапоги*), и эти вещественные детали показывают несоответствие существования священника и жизни вокруг него. Глагол '*обходиться*' (ограничивать в чем-либо себя, довольствуясь тем,

что есть) усиливает понимание бедственного положения. Это возвращает к категории «жить не своей жизнью», потерять себя.

Все, что необходимо отцу Анастасию, это прощение и понимание. Об этом он говорит в диалоге с дьяконом. Предмет общения – поступок сына дьякона, однако отец Анастасий проецирует его действия на себя: «*Прости, бог с ним! Я тебе... вам по совести. Ежели отец родной его не простит, то кто ж его простит? Так и будет, значит, без прощения жить? А ты, дьякон, рассуди: наказующие и без тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующих поискал!*» [Чехов, 1976, с. 162]. Отец Анастасий апеллирует к совести человеческой, и Чехов неслучайно выбирает именно эту категорию. Хайдеггер определяет совесть как центральный пункт своей экзистенциальной аналитики [Бурханов, 2013]. Совесть – это форма понимания самого себя и возвращения самости в границах уже, казалось бы, потери себя. Важно переживание состояния совести, благодаря которому для человека становится возможным выход из фактического и конечного существования, а также возвращение собственного достоинства. Однако для отца Анастасия эта категория сопутствует акту прощения, важнейшей добродетели в христианстве.

Экзистенциальное сознание в первую очередь – переживающее сознание, оно всегда направлено к миру, другому человеку. Человек всегда открыт, он существует на границе себя и другого, он вовлечён в процесс постоянного осуществления, взаимодействия, становления, поиска. Неслучайно Чехов вкладывает в уста отца Анастасия эти глаголы, соотносимые с понятиями экзистенциальной философии и христианства: сознание – *А ты, дьякон, рассуди*; прощение – *Прости, бог с ним!*; поиск – *а ты бы для родного сына милующих поискал!*

Заключение

Важно, что в прозе Чехов с достаточной для понимания и восприятия художественностью запечатлел русское духовенство второй половины XIX – начала XX в. В контексте чеховского реализма становится понятной уникальность русского духовенства, достигает воображения трагизм его состояния на рубеже прошлых веков. В этом плане Чехов представляет нам персонажа и с художественной точки зрения как писатель-реалист, и с психологической, и с философской, и с религиозной. Особый трагизм в том, что у клириков свой мир, они живут по скрипту, определенным установкам, являются носителями высшей истины и часто не справляются с этим под натиском социально-культурных изменений, а вместе с тем и личных переживаний.

Создавая образ отца Анастасия, самого трагического и трагичного персонажа-священнослужителя в русской классической литературе, Чехов апеллировал к психоэмоциональной характеристике, достигая возможности реалистического изображения человека. Отец Анастасий представлен как психологическая личность, пребывающая в состоянии небиологической смерти, ищущая прощения, спасения и покоя. Лаконично и точно Чехов портретирует образ отца Анастасия, эксплицитно представляя внешние соматические особенности, выраженные главным образом адъективной лексикой: немаркированными прилагательными, в том числе с отрицательной коннотацией, оценочным значением. Психоэмоциональное состояние священника, в том числе пребывание в состоянии экзистенциального кризиса, Чехов представляет с помощью существительных, обозначающих эмоции и чувства, а также глаголов и глагольных метафор, выражающих эмоциональное состояние либо семантически связанных с понятием экзистенциального кризиса.

Лексические средства помогают выявить основные причины и следствия экзистенциального кризиса, потери себя: социокультурный фон, материальное неблагополучие, затем – самообесценивание, девиантное поведение и психоэмоциональная нестабильность.

Список источников

Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Дом славянской книги, 2008. 959 с.

Буняева М. В. Роль психологической науки в жизни и творчестве А. П. Чехова // *Дискуссия*. 2012. № 6 (24). С. 124–128.

Бурханов А. Р. Мартин Хайдеггер об экзистенции и экзистенциалах человеческого бытия // *Вестн. Бурятского гос. ун-та*. 2013. № 7. С. 22–27.

Голенков А. В. А. П. Чехов и психиатрия // *Мир души человека в творчестве Чехова: материалы республ. науч.-практ. конф.* Чебоксары, 2001. С. 3–8.

Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Изард К. Э. Эмоции человека / пер. с англ.; под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.

Колесникова В. И., Муравьёва Я. В. Исследование личности с диссоциальным расстройством в парадигме глубинной психологии // *Учен. зап. Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского*. 2017. Т. 3 (69), № 3. С. 58–81.

Кон И. С. Психология ранней юности. М.: АСТ-Пресс, 1989. 256 с.

Коробанова Ж. В., Полевая М. В. Девиантное поведение личности: социальные и психологические особенности // *Соц.-гуманит. знания*. 2020. № 3. С. 145–152.

Кошелева А. И. Образ православных священнослужителей в светской и церковной периодической литературе во второй половине XIX в. // *Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманит. науки*. 2014. № 2 (30). С. 14–19.

Михайленко А. А., Нечипоренко В. В., Кузнецов А. Н., Янишевский С. Н., Ильинский Н. С. Вопросы неврологии и психиатрии в некоторых произведениях писателя и врача А. П. Чехова // *Вестн. Нац. мед.-хирург. центра им. Н. И. Пирогова*. 2013. Т. 8, № 1. С. 137–139.

Мэнголд М. Чеховское наблюдение: субъективность и объективность в ранних произведениях Чехова // *Чеховская карта мира: материалы междунар. науч. конф. Мелихово, 3–7 июля 2014 г. Мелихово*, 2015. С. 496–504.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. VI: Рассказы, 1887. М.: Наука, 1976. 735 с.

Шмеман А. (протопресвитер). Только Чехов не проглядел русского священника [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/publication/11/> (дата обращения: 11.07.2024).

Karlinsky S. Anton Chekhov's life and thought: selected letters and commentary. Evanston: Northwestern University Press, 1997. 494 p.

Klapuri T. Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku: University of Turku, 2015. 205 p.

References

Bunyaeva, M.V. (2012). The role of psychological science in the life and work of A.P. Chekhov. *Discussion*, no. 6, pp. 124-128. (In Russian).

Burkhanov, A.R. (2013). Martin Heidegger on the existence and existentials of human existence. *Bulletin of the Buryat State University*, no. 7, pp. 22-27. (In Russian).

Durkheim, E. (1994). *Suicide: a sociological etude*. V.A. Bazarov (Ed.). Moscow, Thought, 399 p. (In Russian).

Chekhov, A.P. (1976). *Complete works and letters: in 30 vols. Essays: in 18 vols. Vol. VI. Short stories, 1887*. Moscow, Science, 739 p. (In Russian).

Golenkov, A.V. (2001). A.P. Chekhov and psychiatry. *The world of the human soul in Chekhov's work: materials of the Republican Scientific and Practical Conference*. Cheboksary, pp. 3-8. (In Russian).

- Izard, C. E. (1980). *Human emotions*. L. Ya. Gozman, M. S. Egorova (Eds.). Moscow, Publishing House of Moscow State University, 439 p. (In Russian).
- Karlinsky, S. (1997). *Anton Chekhov's life and thought: selected letters and commentary*. Evanston, Northwestern University Press, 494 p.
- Klapuri, T. (2015). *Chronotopes of Modernity in Chekhov*. Turku, University of Turku, 205 p.
- Kolesnikova, V.I. and Muravyeva, Ya.V. (2017). The study of personality with a dis-social disorder in the paradigm of depth psychology. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University*, vol. 3, no. 3, pp. 58-81. (In Russian).
- Kon, I.S. (1989). *Psychology of early youth*. Moscow, AST-Press, 256 p. (In Russian).
- Korobanova, Zh.V. and Polevaya, M.V. (2020). Deviant personality behavior: social and psychological features. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 3, pp. 145-152. (In Russian).
- Kosheleva, A.I. (2014). The image of Orthodox clergy in secular and ecclesiastical periodical literature in the second half of the 19th century. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 2, pp. 14-19. (In Russian).
- Mangold, M. (2015). Chekhov's observation: Subjectivity and objectivity in Chekhov's early works. *Chekhov's Map of the World*. Materials of the International Scientific Conference. Melikhovo, pp. 496-504. (In Russian).
- Mikhaylenko, A.A., Nechiporenko, V.V., Kuznetsov, A.N., Yanishevsky, S.N. and Plyinsky, N.S. (2013). Questions of neurology and psychiatry in some works of the writer and doctor A.P. Chekhov. *Bulletin of the Pirogov National Medical and Surgical Center*, vol. 8, no. 1, pp. 137-139. (In Russian).
- Schmemann, A. (protopresbyter). (2015). *Only Chekhov did not overlook the Russian priest*. Available at: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/publication/11/> (accessed 11 June 2024). (In Russian).
- Ushakov D.N., ed. (2008). *The Great explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, House of Slavic Books, 959 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Манукян Эдгар Георгиевич – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, edgar.loveme@mail.ru

Information about the Author

Edgar G. Manukyan – Ph.D. in Philology, senior lecturer of the Department of the Russian language, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural communication, edgar.loveme@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.